

С.В. Шевчук

ЭМИЛИЙ БРЕТШНЕЙДЕР (1833–1901) — ВРАЧ, КИТАЕВЕД, БОТАНИК

Часто бывает, что человек, получивший образование в одной области, проявляет способности в других сферах. Наверное, особенно многогранно раскрывают данные свыше таланты те, кто получил первоначально медицинское образование. Как много среди них тех, кто стал известным писателем, путешественником, а также ботаником.

Примером яркой, разносторонне одаренной личности в полной мере является Эмилий Бретшнейдер. Уважаемым читателям предстоит в очередной раз убедиться в том, каких высот может достичь личность, совмещающая талант, трудолюбие и, самое главное, безграничную щедрость в дарении своих научных находок человечеству.

Полное имя нашего героя — Эмилий Васильевич Бретшнейдер (Emil Bretschneider). Он родился 4 июля (по н.с.) 1833 г. в селении Банкаусгоф (Bankaushof) курляндской губернии. (Сейчас это усадьба Бенкавас Салдуского края, Республика Латвия (Benkavas muiža, Saldus novads, Latvia).)

Его отец служил местным лесничим. С детства Эмилия окружала лиричная природа юго-западной Латвии. Наш герой окончил гимназию в Митаве (ныне — г. Елгава, Латвия). В 1853 г. поступил в Императорский Дерптский университет на медицинский факультет (ныне — г. Тарту, Эстония). По окончании университета Бретшнейдер отправился для приобретения практических навыков за границу: в клиники Парижа, Берлина и Вены. Наконец, обогащенный опытом, он вернулся в Россию, где был причислен к Министерству иностранных дел. Через два года, в 1862 г., Бретшнейдер назначается врачом при русском посольстве в Тегеране, а в 1865 г. переводится на ту же должность в Пекин, куда и приехал в следующем, 1866 г.

Эмилию Бретшнейдеру только исполнилось 33 года, и его ждало увлекательное знакомство с древнейшей на земле цивилизацией, непрерывно поступательно развивавшейся в течение тысячелетий.

Наверное, мудро поступают те, кто, желая правильно оценить народ, его историю и культуру, начинают с изучения языка этой страны. Именно этим всецело занялся Эмилий Васильевич в Пекине вскоре после своего приезда. Бретшнейдер повезло с учителем, поскольку им был знаменитый китаист — архимандрит отец Палладий. Освоив язык, Бретшнейдер осознал, что перед ним раскрывается безграничная сокровищница культуры и истории великого китайского народа. В какой-то мере искренность глубокого интереса к истории восточной цивилизации Бретшнейдера перекликалась с интересом американца (тоже врача) Вильяма Бигелоу (William Sturgis Bigelow, 1850–1926). Но если Вильяма Бигелоу «покорило» прошлое Японии, то Бретшнейдер посвятил свои лучшие годы многогранному исследованию Китая.

В Китае Бретшнейдер провел 18 лет и все это время посвятил плодотворной деятельности. Освоив китайский язык, Бретшнейдер занялся изучением истории отношений китайцев с соседними странами в Средние века, потом исследовал историю и археологию китайской столицы Пекина, затем изучил китайские источники, касающиеся китайской медицины. Свои огромные сведения по китайской ботанике и фармацевтике (начиная с древнейших времен) он изложил в ряде серьезных работ.

При прочтении его литературных трудов у меня постоянно возникало удивительное ощущение, что Бретшнейдер и сейчас современен. Уже тогда большинство работ он написал на английском языке, принятом в настоящее время как язык общения ученых всего мира.

Меня, занимающегося растениеводством и историей интродукции, в первую очередь интересовала именно эта сторона деятельности Бретшнейдера в Китае. Об этом Эмилий Васильевич подробно и живописно написал в своей работе “History of European Botanical Discoveries in China”, опубликованной в 1898 г.¹ В ней приводится история ботанических исследований европейцев в Китае, начиная от Марко Поло и заканчивая современной эпохой. Много интересных сведений можно почерпнуть из работы Бретшнейдера о знаменитых российских ботаниках. Среди них прежде всего следует отметить Карла Ивановича Максимовича (Karl Johann Maximowicz, 1827–1891) и Александра Андреевича Бунге (Aleksandr Andreevič von Bunge, 1803–

1890). Множество растений, произрастающих в Восточной Азии, было описано этими великими ботаниками. Стоит отметить, что Бретшнейдер в своем труде затронул историю исследований российских ботаников не только в Китае, но и в целом в Восточной Азии.

Отметим также, что в указанной работе Бретшнейдер не только приводит интересные сведения о профессиональных ботаниках, но и много внимания уделяет судьбам простых естествоиспытателей-любителей. Среди них — врач Генрих Вильгельмович Вейрих (Heinrich Weyrich, 1828—1863), морской офицер Александр Егорович Шлиппенбах (Baron Alexander von Schlippenbach, 1828—?), врач Михаил Альбрехт (Dr. Michael Albrecht, 1821 — около 1870). Отметим, что эти естествоиспытатели открыли для науки новые высокодекоративные виды рододендронов, которые в 1870 г. были описаны Карлом Максимовичем, давшим им имена первооткрывателей: рододендрон Вейриха (*Rhododendron weyrichii* Maxim.), р. Шлиппенбаха (*R. schlippenbachii* Maxim.), р. Альбрехта (*R. albrechtii* Maxim.). Именно М. Альбрехт послал в Санкт-Петербург семена ореха сердцевидного (*Juglans cordiformis* Maxim, non Wangenh.). Этот вид был описан К. Максимовичем в 1872 г. Известно, что в 1876 г. сеянцы ореха сердцевидного неплохо привились в Санкт-Петербургском ботаническом саду. Практическая значимость этого вида растения для России только сейчас в должной степени может быть оценена. Так, один из московских садоводов, Наталья Замятина², оценивая перспективность различных орехов, ставит орех сердцевидный на одно из первых мест. Она отмечает, что это самый вкусный из подмосковных орехов, имеющий бóльшую жирность, чем у грецкого ореха, плод, и что его плоды абсолютно лишены внутренних перегородок. В Москве, по данным Н. Замятиной, орех сердцевидный перенес температуру —36° С без потерь. Было бы замечательно, если бы один из сортов этого вида назвали в честь М. Альбрехта. Благодаря Бретшнейдеру мы имеем возможность не забывать тех, кто был первым.

За этот титанический труд Бретшнейдер в 1899 г. был награжден Большой золотой медалью Русского географического общества.

В период с 1866 по 1883 г. (за исключением двух лет, 1871 и 1878 гг., когда Бретшнейдер отсутствовал в Пекине) он все свое свободное время тратил на ознакомление с флорой префектуры Пекина, особенно его северной горной части. Хотя прежде эти районы были исследованы известными российскими ботаниками Александром Андреевичем Бунге, Александром Алексеевичем Татариновым и др., а также из-

вестным французским католическим миссионером и натуралистом Арманом Давидом (Armand David), все же на долю Бретшнейдера выпало немало ботанических находок. Так, Бретшнейдер собрал почти все растения, найденные предшественниками, и открыл несколько новых видов. Собранные растения посылались в Петербург, где они обрабатывались Карлом Максимовичем.

Из этой же книги можно узнать о заслугах Бретшнейдера в деле конкретной интродукции. При всем уважении ко многим российским ботаникам-первопроходцам, стоит отметить, что они часто уделяли внимание сбору гербария, а не семян или живых растений. В результате описывались новые виды, иногда очень красивые и полезные, которые, однако, вводились порой через многие годы. Бретшнейдер во многом восполнил этот пробел. Он, отправляясь в горные районы в разные времена года, главной своей целью считал сбор спелых семян интересных растений, неизвестных в Европе, особенно деревьев и кустарников, а также экономических растений. Собранные семена Бретшнейдер передавал для выращивания в большие ботанические и сельскохозяйственные учреждения всего мира, не ограничиваясь Россией. Среди научных ботанических учреждений можно назвать: Арнольд-Арборетум (Бостон, США), Кью (Лондон), Музей натуральной истории (Париж), Берлинский ботанический сад. В России для Бретшнейдера основным адресом был Санкт-Петербургский Императорский ботанический сад.

С чувством удовлетворения Э. Бретшнейдер отмечает, что лучшие результаты в культивировании растений из присланных семян были достигнуты в Музее натуральной истории в Париже и Арнольд-Арборетуме в США. По поводу этих результатов Бретшнейдер, в частности, пишет: «Мистер Сарджент (Арнольд-Арборетум) порадовал меня несколько раз. Последний раз — в 1893 г. со списком моих растений, цветущих в его саду. О моих растениях отмечает Мах Корну из Музея натуральной истории в Париже в различных источниках в 1882 и 1888 гг.». Великий Чарльз Сарджент, в будущем директор лучшего дендрария мира, описал в своей работе «Сады и леса» северокитайские деревья, что были выращены из семян, присланных Бретшнейдером в Арборетум, и стали цвести и плодоносить. Отметим лишь некоторые из растений, которые послал Бретшнейдер ботаникам мира. Одними из важных в научном и хозяйственном отношении являлись семена диких предков таких ценных плодовых культур, как персик (*Persica davidiana* (Carr.) Franch.) и абрикос (*Prunus armeniaca* L.).

Сарджент отмечает, что дикая форма абрикоса открыта именно Бретшнейдером. Также в Арнольд-Арборетум были отправлены семена “Pai li” (белой груши), дающей очень вкусные плоды.

Из высокодекоративных растений, отправленных в Арборетум, следует отметить рододендрон остроконечный (*Rhododendron mucronulatum* Turcz.). Ботанический сад в Санкт-Петербурге от Бретшнейдера в числе прочего получил такие высокодекоративные растения, как дейция мелкоцветковая (*Deutzia parviflora* Bunge) и гортензия, которую немецкий ботаник, директор ботанического сада в Дармштадте Леопольд Диппель (Leopold Dippel, 1827–1914) в 1893 г. описал как новый вид, названный в честь Бретшнейдера, — *Hydrangea bretschneiderii* Dipp. Эта гортензия и сейчас украшает дендрарий Ботанического института им. В.Л. Комарова — преемника Санкт-Петербургского Императорского ботанического сада. Большое число видов из семейства тыквенных было послано Бретшнейдером французскому ботанику Шарлю Нодену (Charles Victor Naudin, 1815–1899) в ботанический сад г. Антиба во Франции.

Как в этой связи ни вспомнить слова Уильяма Джеймса (William James): «Величайшая польза, которую можно извлечь из жизни, — потратить жизнь на дело, которое переживет нас».

За свои многочисленные заслуги перед Санкт-Петербургским Императорским ботаническим садом в 1883 г. Бретшнейдер был избран его почетным членом.

Выйдя в отставку в 1884 г., доктор Бретшнейдер поселился в Петербурге и занялся обработкой собранных материалов. В результате было написано много значимых для науки трудов на самые различные темы. Среди них — история и география Китая, пособия по изучению китайского языка. Его книги и статьи посвящены флоре, истории, географии, экономике Китая, Кореи, Тибета. За большой вклад в науку Французская академия избрала Бретшнейдера своим членом-корреспондентом.

Хотя серьезной литературной работой Бретшнейдер занялся после выхода в отставку, то есть после 1884 г., некоторые труды были написаны им во время пребывания в Китае. Так, в 1871 г. вышла его работа с интригующим названием: “Fu Sang, or who discovered America?”

Будучи врачом, Бретшнейдер не обошел вниманием и китайскую медицину, имевшую древние корни и до сих пор до конца не оцененную по достоинству. Так, в третьем томе (“Botanical Investigations into the Materia Medica of the Ancien Chinese”) труда под общим названием

“*Botanicum sinicum*”, вышедшем в 1895 г., даются сведения о древней китайской фармакологии. В этой фундаментальной работе (объемом 623 страницы!) Бретшнейдер подробно описал 358 лекарственных средства, которые применялись в китайской медицине задолго до нашей эры.

Из его географических работ следует особо выделить издание карты Китая на английском языке. За картографические труды и переводы с китайского языка Императорское Русское географическое общество наградило Бретшнейдера Малой золотой медалью им. П.П. Семенова.

Стоит отметить удивительную скромность этого человека. Огромную работу по обработке материалов он проводил, довольствуясь пенсией, положенной ему за службу. Как отмечал академик Карл Германович Залеман, Эмилий Бретшнейдер предлагавшееся ему звание члена-корреспондента академии отклонял из-за скромности³. К.Г. Залеман указал также, что до последних недель жизни доктор Бретшнейдер был усердным посетителем Императорского Ботанического сада и Азиатского музея. Признательность и интерес, которые он питал к этим учреждениям, благородно проявились в его завещании.

Эмилия Васильевича Бретшнейдера не стало 12 мая (по н.с.) 1901 г. Он был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. На его могиле стоит скромный памятник. Долг нашего поколения — обеспечить большую сохранность этого исторического места и защитить его от вандализма.

Безусловно, научное наследие Э.В. Бретшнейдера достойно дальнейшего изучения. Общий список его работ достаточно велик (всего 48), он приводится в отзыве члена ИРГО И.И. Кузнецова о труде Бретшнейдера “*History of European Botanical Discoveries in China*”⁴. Тем, кто захочет более глубоко изучить научное наследие Бретшнейдера, следует ознакомиться с первоисточниками, то есть с архивными материалами, которые сохранились, по сведениям М.Ш. Файнштейна⁵, в архивах Института востоковедения РАН, СПФ АРАН. Так, по сведениям М.Ш. Файнштейна, в 1992 г. в СПФ АРАН был сформирован небольшой фонд ученого (Ф. 1109) в количестве 85 дел (все они размещены в одной описи). Думаю, что и в архиве РГО тоже могут храниться важные первоисточники.

Хочу выразить искреннюю благодарность работнику библиотеки Ботанического института Тамаре Александровне Чорной, без помощи которой эта статья не состоялась бы. Благодарю также Владимира Ивановича Дорофеева за техническую работу.

1. *Bretschneider E.* History of European Botanical discoveries in China. Leipzig, 1962. Vol. I, II (Reprint of original edition 1898). 1167 p.
2. *Замятина Н.* Орехи для Подмосковья // Вестник цветовода. 2010. № 7 (147). С. 10–12.
3. Академик К.Г. Залеман. Бретшнейдер (некролог) // Известия Императорской академии наук. СПб., 1901. Т. 15. С. XVI.
4. *Кузнецов Н.И.* Отзыв д. чл. ИРГО Н.И. Кузнецова о труде “History of European Botanical Discoveries in China” by E. Bretschneider // Отчет ИРГО за 1899 г. СПб., 1900. С. 10–18. Приложения.
5. *Файнштейн М.Ш.* Эмилий Васильевич Бретшнейдер и его материалы в Архиве РАН (Санкт-Петербург) // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб., 2002. Вып. III. С. 60–64.